

Владимир ЕГОРОВ
Андрей ИНШАКОВ

КООПЕРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX СТОЛЕТИЯ

Дата поступления в редакцию: 28.07.2023.

Для цитирования: *Егоров В. Г., Иншаков А. А., 2024. Кооперативная теория второй половины XIX – первой половины XX столетия. – Геоэкономика энергетики. № 3 (27). С. 67–87. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_67*

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01043 «Кооперация в стратегии развития общества» (<https://rscf.ru/project/23-28-01043/>), соглашение № 23-28-01043 от 12.01.2023.

Статья посвящена анализу теоретических воззрений мыслителей, представляющих различные направления общественно-политической мысли, на кооперацию, ее место и роль в общественном развитии. Специально рассмотрены взгляды представителей марксистского, народнического, социал-демократического направлений науки на кооперацию, дано представление о теоретических концепциях итальянского, американского академических сообществ исследователей кооперации, вклад интеллектуалов, разрабатывающих теорию игр.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич, доктор экономических наук, доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, пер. Стремянный, 36. **E-mail:** korrka@mail.ru. **SPIN-код:** 9130-3997. **ORCID:** 0000-0002-2473-8590.

ИНШАКОВ Андрей Алексеевич, ассистент кафедры политической экономики и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117997, пер. Стремянный, 36. **E-mail:** aero789@mail.ru. **SPIN-код:** 6772-9676. **ORCID:** 0000-0003-4682-9685.

Ключевые слова: кооперация, марксизм и кооперация, анархизм и кооперация, итальянская и американская кооперативные школы, теория игр.

Основным направлением мысли, определявшим общественно-политический дискурс, учением, заявившим претензию на осмысление перспективы цивилизационного развития и этим привлекавшим внимание интеллектуалов, являлся марксизм.

В марксистском учении кооперации отводилась роль первой ступени агрегирования мелкого производства либо паллиативного средства избавления трудящихся от «язв» капитализма.

Опыт революции 1840-х гг., Парижской коммуны все же заставил К. Маркса и Ф. Энгельса обратить внимание на кооперацию мелких собственников. Надежды на скорейшее вытеснение мелкотоварного уклада крупным капиталистическим производством не оправдались. Индивидуальные хозяйства крестьян, отличающихся определенными качествами социальной психологии, обладали в силу своей специфики особой устойчивостью.

О том, насколько остро в международном социалистическом движении встал вопрос взаимоотношений с мелкой буржуазией, можно судить по фактам исторических событий в Германии в начале XX столетия. На съезде коммунистов, проходившем 1–5 мая 1920 г., анализируя полугодовой опыт революционных неудач, говорилось, что «социализм в Германии не может в более или менее близком будущем рассчитывать на поддержку среднего и мелкого немецкого крестьянства, что всякая попытка изменения отношений собственности в крестьянском землевладении не может не заканчиваться крахом... крестьянское землевладение есть неприступная скала в разлагающемся капиталистическом мире».

Последователи К. Маркса вслед за основоположником видели путь в «привлечении крестьянских хозяйств к социализму через сельскохозяйственную кооперацию, вместе с тем полагая невозможным выжидать, пока сельскохозяйственная кооперация, развиваясь по пути свободного союзного строительства, охватит всю сумму крестьянских хозяйств страны» и считали, что «вмешательство и воздействие государства в целях побуждения к принудительно-кооперативной организации всех производителей является совершенно необходимым» [Фишгендлер, 1922: 64–65].

Марксисты полагали, что кооперация есть промежуточная форма организации экономики в построении подлинно социалистической, основанной на общенародной собственности, обусловленной наличием в социальной структуре переходных обществ широкого слоя мелкой буржуазии. В письме к Бебелю в 1886 г. Ф. Энгельс писал: «А что при переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство — в этом Маркс и я никогда не сомневались. На деле должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом,

особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами общества в целом» [О кооперации, 1988: 70].

В отличие от большой плеяды советских ученых, пытавшихся обосновать «полное совпадение кооперации с социализмом», Ф. Энгельс определенно провел грань ее отличия от социалистической формы организации экономики, адекватной рыночному хозяйству. Правда, отдельные последователи марксизма считали, что, кроме регенерации капитализма и угрозы социализму, кооперация не могла принести ничего положительного [Попов, 1929: 117].

Справедливости ради следует упомянуть и революционные проекты использования потребительской кооперации в качестве средства социалистического переустройства сферы обмена и потребления, исключаяющего стихийный рынок.

Еще до победы пролетарской революции в России программу преобразования общества через потребительские союзы предлагала так называемая Нимская школа кооперативов Франции во главе с Ш. Жидом. Ее сторонники, желая предотвратить стихию рынка, намеревались объединить все общество в ассоциации потребителей, а последним через солидарную политику и создание собственных предприятий диктовать условия и постепенно отвоевывать главенствующее место в производстве. Вот как выглядит третий параграф их «Кооперативной программы», озвученный Ш. Жидом: «Тогда бы производство, работая отныне только по команде и производя только то, что от него требуют, не производило бы ни слишком много, ни слишком мало — разве только за исключением ошибок, свойственных всем человеческим предвидениям, и, следовательно, должно было бы предупредить все эти переполнения рынка, перепроизводство, кризисы, безработицу, все эти внезапные перерывы в работе, которые изнуряют рабочие руки, заставляя их по очереди переходить от лихорадочного труда к периоду деморализующей праздности.

Тогда бы впервые было уничтожено все неисчислимое множество посредников, крупных и мелких поставщиков, легион паразитов, механизм производства упростился бы, число шестерен уменьшилось бы до минимума, полезная отдача увеличилась бы до максимума» [Жид, 1917: 67].

Вывод, сделанный В. И. Лениным в работе 1923 г. «О кооперации» о социализме «как строе цивилизованных кооператоров» [Ленин, 1964: 373, 376], вовсе не означает признание социалистической (огосударственной) сущности кооперативной организации.

Такое его суждение скорее означает пришедшее понимание невозможности построения экономики модерна (хотя и на основе диктатуры пролетариата) вне рынка, товарно-денежных отношений. Самой подходящей в этой связи формой организации, в основном мелкотоварного хозяйства страны, явилась в представлении лидера большевизма кооперация, способная сыграть двоякую роль: коллективной структуры для налаживания то-

варообмена с государственным промышленным сектором и средства купирования частнокапиталистической тенденции развития мелкобуржуазного уклада. «При условии максимального кооперирования населения, — писал В. И. Ленин, — само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы, борьбы за политическую власть и т. д.» [Ленин, 1964: 669].

Ленинская новелла в трактовке кооперации стала поводом для дискуссии 1980-х гг. (в основном организованной редакцией журнала «Вопросы истории КПСС»). Суть дискуссии сводилась к решению конкретных вопросов: с какого времени, в результате изменения каких условий советскую кооперацию можно было считать социалистической. Конечно, такое обсуждение, основанное на ложных посылах о социалистическом преобразовании кооперации, было изначально контрпродуктивным. Кооперация тогда и в настоящее время представляет собой самостоятельную форму социально-экономической организации, способную в силу природных качеств комплементарно интегрироваться в систему доминирующих хозяйственных отношений*.

Так часто именуемое ленинским новое видение перспектив развития социализма на основе кооперации, позволявшее избежать капиталистической эксплуатации, на самом деле являлось давно устоявшимся во взглядах отечественных социал-реформаторов начиная с 60-х гг. XIX в. Например, П. Л. Лавров, один из основателей субъективной школы методологии, близкий к народникам философ, социолог, публицист, писал: «Социалист имеет право считать критически приобретенным результатом свое убеждение в возможности строя, в основание которого ляжет всеобщая кооперация для всеобщего развития, обуславливаемая всеобщим трудом и отсутствием монопольной собственности как двумя требованиями, устраняющими в главных ее основах эксплуатацию человека человеком и борьбу их экономических интересов» [Лавров, 1965: 447].

Исключительно нравственными идеалами свободы и равенства была питана кооперативная концепция революционных анархистов, что, несомненно, роднило их взгляды со взглядами сторонников субъективного метода в социологии. Несмотря на то что в литературе кооперативной тематики, в том числе и в современной, одного из наиболее ярких представителей этого политического течения П. А. Кропоткина именуют отцом русской кооперации, его собственные представления и представления анархистов-революционеров о кооперации отставали далеко от общепринятого содержания этого понятия. Полностью отвергая государство и предлагая устрой-

* Исключая планово-административную экономику, в которой кооперация полностью ассимилируется и превращается в разновидность централизованного государственного хозяйства.

ство человеческого общества на основе свободной федерации, свободных ассоциаций трудящихся, М. А. Бакунин, а вслед за ним и П. А. Кропоткин абсолютно исключали присутствие базисных экономических предпосылок их объединения, порождающих интеграцию интересов личности и коллектива, труда и капитала. Единственным принципом образования ассоциаций, вытекающим из мировоззрения анархистов, являлся принцип свободы индивидуума, поэтому сфера функционирования корпораций не ограничивалась экономикой, но распространялась на все стороны человеческого бытия: культуру, религию, политику и т. д. «Ни общество, ни какая-либо часть его: община, провинция или нация, — писал М. А. Бакунин в своем «Революционном катехизисе», — не имеют права мешать свободным лицам свободно образовывать ассоциации для какой-либо цели — религиозной, политической, научной, промышленной, художественной — или даже в целях взаимного развращения и эксплуатации людей, беспечных и глупых, при условии что последние уже достигли совершеннолетия. Борьба с шарлатанами и губительными ассоциациями есть дело исключительно общественного мнения» [Бакунин, 2000: 283].

Так же как марксисты, анархисты видели главную цель социальной революции в торжестве коммунистической, общенародной собственности. Однако, не являясь последовательными материалистами, они отвергали путь капиталистического обобществления производства и считали необходимым добиться немедленной ликвидации всех форм собственности, кроме общественной, путем стихийного революционного бунта. Взгляды сторонников кооперации, основанной на групповой собственности, считались ограниченными и недостаточно революционными. Коллективная собственность, по мнению анархистов, с неизбежностью должна была воспроизводить те же условия хозяйствования, что и частная собственность, а следовательно, предполагала скатывание к капитализму. «Коллективисты начинают с признания революционного принципа — уничтожения частной собственности, а затем сейчас же отрицают его, — писал П. А. Кропоткин, — оставляя без изменения такой способ организации производства и потребления, который сложился именно вследствие существования частной собственности на орудия производства... Нам кажется очевидным, — продолжал он, — что никакое общество не может сложиться на основании двух совершенно противоположных, постоянно противоречащих друг другу начал. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацию (коллективная собственность на орудия труда и личное вознаграждение каждого соответственно потраченному им на производство времени), очень скоро была бы вынуждена или вернуться к частной собственности, или превратиться в общество коммунистическое» [Кропоткин, 1990: 175].

Казалось бы, абсолютно утопические взгляды анархистов-революционеров уже сегодня становятся реальностью там, где субъективный фактор,

генерированный общенациональной идеей, религиозными или традиционными ценностями, становится превалирующим и определяет всю систему социальных и этических отношений. Примером, в частности, может служить современный Израиль или мусульманский Восток с его религиозной ортодоксией.

Подтверждая естественность социальной взаимопомощи наличием коллективистских практик у насекомых, животных, народов, находящихся на низших ступенях цивилизационного развития, и обуславливая ее необходимостью создания условий для выживания, П. А. Кропоткин видел в таковой путь к прогрессу, торжеству всеобщей солидарности и построению на этой основе экономической организации. «Все новые экономические и социальные учреждения, поскольку они являлись созданием народных масс, все новые этические системы и новые религии — все они происходят из того же самого источника; так что этический прогресс человеческого рода, если рассматривать его с широкой точки зрения, представляется постепенным распространением начал взаимной помощи от первобытного рода к агломератам людей все более и более обширным, пока, наконец, эти начала не охватят все человечество, без различия вер, языков и рас» [Кропоткин, 2011: 174].

Основоположителем материалистического направления народнической мысли вслед за А. И. Герценом и Н. П. Огаревым являлся Н. Г. Чернышевский. Его «Теория трудящихся», предполагающая учет экономических интересов мелких товаропроизводителей, вела к выводу о наиболее целесообразном и естественном пути развития самостоятельных хозяйств через объединение в товарищества, что позволило бы им избежать пагубного воздействия капитализма и в то же время перейти на более совершенную ступень экономического роста доступным и понятным мелким собственникам путем. «Не имея причин зложелательствовать друг против друга, трудящиеся не имеют побуждений держаться каждый особняком, — писал Н. Г. Чернышевский, — напротив, они имеют прямую экономическую необходимость искать взаимного союза. Почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися. Это для него легко, потому что нет ему причины враждовать против них. Таким образом, форма, находямая для производства теорией трудящихся, есть товарищество» [Чернышевский, 1987: 56–57].

Попытку интегрировать различные точки зрения на социализм и видение их материальных предпосылок, примирить два разнополюсных вектора движения российского общества: искусственно форсированную капиталистическую индустриализацию и традиционные черты подавляющей части

экономического базиса России, — предприняли социалисты-революционеры в своей теории конструктивного социализма. По их мнению, после завоевания политической власти на смену диктату крупного частного капитала должна была прийти «индустриальная демократия», т. е. равноправное сочетание самостоятельных хозяйственных субъектов, организованных на кооперативной или синдикалистской основе (союзы по профессиональной принадлежности). Государство в такой структуре должно было уступить часть регулирующих функций самоуправляющимся предприятиям и занять место равноправного партнера в экономических связях [Чернов, 1997: 30]. В плане теоретическом это означало возврат на естественную основу развития, когда организующим элементом кооперационных процессов являлся не привнесенный извне крупный капитал, а интегрированная мелкая собственность.

Продолжая народническую традицию, социалисты-революционеры не признавали прогрессивной роли капитала в сельском хозяйстве, основывая это убеждение на анализе особенностей аграрного сектора экономики и его отличия от промышленности. Поступательный ход сельского хозяйства мыслился как естественный процесс генезиса «трудовой кооперации как самостоятельно зарождающегося и органически развивающегося явления». «Дело идет о том, чтобы раскрыть в реальном кооперативном движении, — писал В. Чернов, — перспективы развития все в высшие и в высшие формы — такого развития, каждый последовательный этап которого есть подготовка следующего этапа — такого развития, которое идет обычной дорогой всех естественных процессов развития в природе — по линии наименьшего сопротивления, но идет вверх, т. е. ведет к осуществлению линии наивысшего результата». Причем замечательно, что социалисты-революционеры, видя специфичность аграрного сектора, отмечали сущностные особенности сельскохозяйственной кооперации, о чем позже сказал и А. В. Чаянов.

Нить преемственности теоретического и политического наследия социалистов-революционеров явственно прослеживается во взглядах современных сторонников социализма. Наиболее существенным в этом плане является опыт шведской социал-демократии, которой как никому удалось воплотить в жизнь чаянья многих поколений кооператоров.

В 1946 г. была издана книга теоретика шведского кооперативного движения А. Эрне «Экономическая демократия: мысли об актуальном», в которой он обосновал одноименную концепцию. По мнению А. Эрне, все общество должно быть организовано на кооперативной основе. Вновь был реанимирован давно известный термин «кооператизм» [Чернов, 1997: 115]. Точку зрения Эрне шведский исследователь Делленбрант назвал рафинированием кооперативных идей [Dellenbrant, 1981: 13].

Обществоведы, разделяющие политические убеждения социал-демократов, связывали расширение общественного сектора экономики с социалистической перспективой. Они считали, что «с помощью коопера-

тивов, народных движений, предприятий, находящихся в собственности работников и управляемых ими, ведется строительство собственно социалистического общества. За счет активной поддержки со стороны социал-демократов процесса формирования и расширения общественного сектора создается альтернативное общество, опирающееся на социалистическую идею» [*Socialdemokratins politiska problem*, 1987: 65].

Воплощение в жизнь кооперативного социализма являлось одной из важнейших сфер программных установок шведских социал-демократов. «Социал-демократия хочет, чтобы идеал демократии наложил отпечаток на всю организацию общества и условия жизни людей, — записано в их программе, — чтобы в результате каждый получил возможность богатой и полнокровной жизни. Поэтому социал-демократия хочет так преобразовать общество, чтобы право принятия решений находилось в руках всего народа, чтобы граждане были освобождены от какой бы то ни было зависимости, от любых групп власти, выражаемой их контролирующими функциями, и чтобы общество, основанное на классах, уступило место общности людей, действующих по законам свободы и равенства... Кооперативы, характерной особенностью которых является экономическая демократия, должны стать *in extensor* (буквально) главной частью социалистических преобразований» [*Socialdemokratins politiska problem*, 1987: 66]. Сегодняшняя Швеция располагает богатым опытом кооперативного строительства. Однако, как и в любой другой стране, включенной в систему капиталистических хозяйственных связей, шведская кооперация испытывает на себе давление со стороны капитализма. В результате этого обстоятельства идет неизбежный процесс разорения части коллективных предприятий, другая их часть приспособляется к условиям «свободного рынка», преобразуясь в коллективные капиталистические организации.

Немало шведских ученых, как и других западных исследователей, делают отсюда неверный посыл о рудиментарности, малой эффективности кооперации, что не соответствует действительности. Кооперативная организация общественного производства воплощает в себе принципиально отличное от капитализма направление общественной эволюции.

Теоретическому осмыслению кооперативной формы социально-экономической организации препятствовало ее объективное положение в структуре общества. Ее «промежуточное» место среди доминирующих укладов обуславливало непрекращающиеся попытки придать кооперации характеристики, отвлекающие от понимания ее природной сущности — «предкапитализма», его демократизации «ступени» к социализму или средства избавления от эксплуатации и нищеты. Вместе с тем неубывающая актуальность и жизнеспособность кооперативной организации поддерживали научный интерес интеллектуалов, стремившихся определить ее социальное значение как самоценного явления.

Одной из форм, хотя, конечно, далеко не единственной, «третьего пути», вне всякого сомнения, является кооперация — живой развивающийся организм с присущими ему особенностями и противоречиями. В современной обществоведческой литературе получила распространение точка зрения, выраженная, например, в книге французской исследовательницы Д. Демустье «Между эффективностью и демократией: производственные кооперативы», согласно которой кооперация — это «третий путь», в конечном счете демократичное «среднее между джунглями капитализма и бюрократией коллективизма» [Demoustier, 1981: 8]. По мнению сотрудника Межминистерского управления социальной экономики Франции М. Фигро, кооперация есть носитель иных общественных отношений, где «можно гармонично сочетать социальную справедливость и экономическую эффективность» [*Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa...*, 1988: 275].

И хотя вряд ли было бы справедливым считать кооперацию единственной абсолютной формой организации общества, концепция кооперативного «третьего пути» заслуживает внимания уже потому, что смещает акцент с научного обоснования исключительности противоположных крайних позиций в сторону промежуточных социальных моделей.

В связи с тем что в переживаемую планетарной цивилизацией переходную эпоху кооперация, помимо адекватности социально-экономической реальности, обретает значение формы организации, несущей черты, вписывающиеся в проявляющиеся контуры будущего мироустройства, теоретическое прочтение ее внутреннего качества возрастает.

Посвятивший кооперации свой творческий путь ученый И. В. Емельянов отмечал, что «во всей литературе о кооперации можно назвать очень немного исследований, которые можно было бы признать попытками теоретического подхода к кооперативной проблеме... Действительно, остается только поражаться, как в целом исследователи и интерпретаторы кооперации уклонялись от теоретического анализа этой проблемы» [Емельянов, 2020: 39].

Собственно разработка основ теории кооперации началась с конца XIX — начала XX в. Вместе с тем следует заметить, что и сегодня отсутствует сколько-нибудь полновесный труд по этой проблеме. И все же отдельные положения, которые составят фундамент его создания, фрагментарно представлены в статьях и книгах мыслителей новейшего периода изучения кооперации.

Важной вехой с точки зрения преодоления «социально-реформистского» * направления освоения кооперации и определения ее собственного места и роли в общественном развитии стала книга итальянского профессора Дж. Г. Валенти, опубликованная в 1902 г., репринтное издание которой вышло в России в 2012 г.

* Термин, применяемый И. В. Емельяновым для характеристики учений, определявших кооперацию как альтернативу капитализму.

Возражая тем, кто видел в кооперации средство избавления от несовершенств капитализма, итальянский ученый указывал на то, что таковая является частью существующей системы менового хозяйства, а не чужеродным социально-экономическим ингредиентом, созданным и предназначенным для замены этой системы» [Емельянов, 2020: 41]. Помимо самостоятельной значимости кооперативной организации, Дж. Валенти уловил еще один важный для ее концептуализации аспект, заключающийся в утверждении закономерности, нерукотворности производственной кооперации, являвшейся, как и капиталистическая мануфактура, объективно продуцированной формой концентрации мелкотоварного хозяйства, а «кооперативная ассоциация (потребителей. — Авт.) — это экономический институт, который в рамках существующей системы свободной конкуренции стремится исправить полностью или частично естественные недостатки распределения богатства. Функционируя как корректирующие факторы несовершенства распределения, кооперативы, — говорит далее Валенти, — организуют «коллективные предприятия» как оружие против «обычных предприятий, индивидуальных или коллективных, основанных на спекуляции...» [Емельянов, 2020: 43].

Конечно, один из первых взглядов на кооперацию как самостоятельную форму социально-экономической организации не мог не иметь определяемых капиталистическим мейнстримом «привычных вывихов». Так, Дж. Валенти утверждал, что «в большинстве направлений своей экономической деятельности кооперативные организации фактически не конкурируют с капиталистическими предприятиями» [Емельянов, 2020: 44].

Сюжетом, требующим теоретического осмысления, логично следующим за определением «самости» кооперации, стал вопрос дифференциации видов и форм кооперативной организации, который, судя по содержанию трудов современных авторов и даже нормам кооперативного законодательства, остается во многом без внятного ответа.

Вслед за своим соотечественником, сделавшим важные теоретические выводы, разработку кооперативной теории в этой части продолжил М. Мариани, работа которого после публикации в 1906 г. была репринтно воспроизведена в России в 2009 г. [Mariani, 1906].

Рассуждения о том, что мотивом кооперативной мобильности участников совместных предприятий является выгода, превышающая «экономические жертвы», связанные с утратой части самостоятельности, привели автора к выводам, *во-первых*, о том, что в основе кооперации лежит индивидуальный интерес, и, *во-вторых*, о необходимости особенного его проявления в производственных и распределительных кооперативах. Правильно отметив отличную природу кооперативных форм различных видов, М. Мариани все же предпринял контрпродуктивную с точки зрения теоретического понимания существа проблемы попытку сформировать универсальное опреде-

ление кооперации, одинаково корректное для определения всех видов кооперативных объединений. «Кооперативная ассоциация, — писал он, — это добровольное объединение (ассоциация) покупателей или продавцов труда и других товаров в целях улучшения цен для покупателей и продавцов и для достижения этой цели путем организации собственного предприятия соответственно для покупки или продажи» [Емельянов, 2020: 46].

Нерелевантность такого теоретического обобщения проявляется в оценке производственных кооперативов, объединяющих мелких товаропроизводителей, а не «продавцов труда». Несмотря на несовершенства начала пути теоретического освоения темы, все же вклад итальянских экономистов в ее становление не подлежит сомнению.

Различия между ассоциациями потребителей и кооперативами отмечали супруги Уэббы и отечественный мыслитель М. И. Туган-Барановский в книге «Социальные основы кооперации», вышедшей в свет в 1922 г. [Туган-Барановский, 1989]. В своей книге автор не только обозначил отличия кооперативных объединений разного вида, но и проанализировал характерные черты субъектов кооперативной мобильности: участников рабочих потребительских обществ, трудовых артелей, мелких товаропроизводителей города и села.

Сомнительную общественную перспективу, по мнению М. И. Туган-Барановского, имели пролетарские кооперативы (по форме не отличающиеся от трудовых артелей. — Авт.), обобществлявшие труд рабочих, ориентированные исключительно на создание более эффективного результата деятельности через унификацию индивидуальных способностей участников и разведения труда. Не агрегируя труд и стремление к приращению частной собственности, такие предприятия не обладали всеми преимуществами кооперации [Туган-Барановский, 1989: 108–116, 181–184, 220–224].

Потребительская кооперация в представлении М. И. Туган-Барановского есть общественное движение, вырастающее из стремления не только пролетариата, но и других социальных слоев избавиться от посредников в организации потребления и создать комфортные условия получения товаров и услуг. «Потребительские общества, — писал он, — являются кооперативом такого рода, в котором с формальной стороны могут участвовать все классы общества, ибо все являются в равной мере потребителями. Поэтому можно было бы думать, что потребительские общества могут создаваться во всякой социальной среде и в конце концов должны охватить все общество» [Туган-Барановский, 1989: 150].

Очевидно, что объектами такой кооперации становятся в обществе, основанном на товарном хозяйстве, прежде всего малосостоятельные граждане.

Не ускользнула от прозорливого взгляда теоретика и черта, прямо вытекающая из сущности потребительской кооперации как организации обще-

ственной, а именно потенциальная возможность ее политизации [Туган-Барановский, 1989: 160–170].

В отличие от потребительской производственная является организацией экономической, закономерно возникающей, как и капиталистические формы концентрации производства. При этом М. И. Туган-Барановский, вполне осознавая мелкотоварный характер ее инициаторов, все же различал крестьянские и ремесленные товарищества. Первая в его представлении возникала как следствие недостатка трудовых семейных ресурсов. Об этом же позднее скажет и Н. Чаянов. А вторая за счет объединения материальных и трудовых ресурсов мелких промышленных производителей способствовала внедрению разделения труда, благодаря которому и достигалась «новая эффективность ручного труда» [Туган-Барановский, 1989: 260–276, 379–402].

Вплотную подошел экономист к пониманию дифференциации простых и сложных форм кооперации [Туган-Барановский, 1989: 263–273].

Конечно, вряд ли справедливо полагать, что М. И. Туган-Барановскому удалось в полной мере восполнить лакуны в кооперативной теории. Очевидно не доставало в его идеях анализа функциональных границ кооперативной организации, сущностных черт, утрата которых ведет к ее «мутации» и т. д. Не лишены взгляды теоретика и недостатков. Так, в его представлении кредитная кооперация (без отличий, кого таковая объединяла — потребителей или производителей) была отнесена к самостоятельному виду кооперативной организации. Несколько преувеличена в представлениях М. И. Туган-Барановского перспектива замены капитализма всеобщей кооперацией и т. д. Об этом он говорил так: «Но что будет, когда капитализм сойдет с исторической арены и коллективизм вытеснит капитализм, — не остановится ли тогда всемирная история? Каков будет следующий исторический день после того светлого «завтра», которое уже бросает свои лучи на сумрак сегодняшнего дня?

Нет, всемирная история никогда не прекратится. Дальнейшее развитие будет заключаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации.

Общество должно до конца превратиться в добровольный союз свободных людей — стать насквозь свободным кооперативом» [Туган-Барановский, 1989: 449].

Но в известной степени такой оптимизм в оценке кооперативного будущего сыграл для формирования авторской концепции положительную роль, заключающуюся в прямом указании на роль кооперации в эпоху перехода, к которой отчетливо ощущается сегодня, — эпохе постмодерна, открывающей для этой формы социально-экономической организации новые возможности. Так, анализируя особенности фабрики и производ-

ственного кооператива, М. И. Туган-Барановский писал: «Маловероятно, чтобы производительные ассоциации могли стать в социалистическом государстве господствующим типом промышленного производства». Скорее это возможно лишь «в немногих отраслях промышленности, где ручной труд всегда останется господствующим и где требуется особая индивидуализация производства». Повсюду же, где существует необходимость в высокой концентрации производства, а «преобладающая роль машины отодвигает на задний план личные свойства рабочего», кооперативная, относительно свободная форма организации труда не может выявить своих преимуществ, так как «индивидуальность так же затирается толпой» (или машиной), «как и при управлении той же фабрикой сверху» [Туган-Барановский, 2021: 89].

Таким образом, то, что определяло преимущество индустриальных форм массового производства — механизация и полная унификация индивидуальных способностей производителя в умной экономике будущего, — становится преимуществом кооперации.

Попытка использования кооперации в несвойственной для нее роли, например в качестве средства для налаживания прямого продуктообмена, социальной адаптации малоимущих слоев населения большевиками в первые годы советской власти, обусловила противодействие со стороны «старых» кооператоров. В числе таковых были С. Н. Прокопович (1871–1955), бывший министр Временного правительства, а после революции — профессор МГУ.

Отвергая социальную направленность кооперативной политики новой власти, активно привлекавшей в ряды кооператоров пролетарские слои населения, С. Н. Прокопович писал: «...кооперация доступна только для хозяйственно крепких элементов. Крестьянам и рабочим, опустившимся ниже известного уровня благосостояния или не достигшим этого уровня, кооперация помочь не может» [Прокопович, 1918: 11].

Говоря прежде всего о производственной кооперации мелких товаропроизводителей, С. Н. Прокопович прекрасно понимал, что мотивом обобществления части суверенной собственности в совместном предприятии для мелкого производителя являлось восполнение недостающих ресурсов для повышения эффективности собственного товарного хозяйства (сельского или промышленного). Пролетарий, лишенный такого стимула, как и мотивации эффективного участия, являвшегося следствием гармонизации труда и собственности, не мог стать социальным субъектом кооперации. Эту же мысль С. Н. Прокопович подтверждал, сравнивая кооперативную и общинную организации.

По этому поводу он писал: «...между этими двумя общественными образованиями мы можем наметить, таким образом, следующие различия: 1) община — союз сословный и принудительный, кооперация — несослов-

ный и добровольный; членами общины рождаются, кооператорами делаются; 2) членами кооперативных организаций могут быть только хозяйственно состоятельные элементы; членами общины — и богач, и нищий; 3) доход от общинных предприятий делится по душам, от кооперативных предприятий — соответственно степени участия каждого члена в деле; 4) кооперативные организации построены на принципе самоуправления — в общине при современном режиме велика власть всех начальствующих лиц, начиная от старшины и писаря и кончая всеми местными властями».

Сравнивая две формы социальной организации: общинной и кооперативной, — мыслитель неизбежно вышел на еще один основополагающий принцип — прямую демократию. Императив участия пайщиков — в управлении и распоряжении собственностью и результатами совместной деятельности. Кооперация не терпит даже незначительной отстраненности членов объединения от этого системного принципа.

Именно поэтому до недавнего времени одним из противоречий кооперативной формы социально-экономической организации считалось противоречие между масштабами предприятий кооператоров и способностью в полном формате воспроизводить управленческий порядок прямой демократии. При этом, имея в виду одну рыночную основу капиталистических и кооперативных форм организации, С. Н. Прокопович отмечал невозможность их противопоставления. «Отсюда следует, — писал он, — что кооперация не может служить средством борьбы с надвигающимся капитализмом. Рост того или другого вида кооперации есть следствие развития лежащих в его основании экономических отношений, а не причина этого развития. Как производное явление, кооперация находится в полной зависимости от производящего момента — момента экономических отношений» [*Прокопович*, 1918: 30].

Признавая единую почву генезиса двух форм организации экономики: капиталистической и кооперативной, — С. Н. Прокопович тем не менее видел их глубокое качественное различие. В отличие от буржуазных форм, в кооперации, по его мнению, «живет совершенно иной, не капиталистический дух, влекущий человечество на новые пути, создающий новые общественные формы, настолько не противоположные формам жизни капиталистического общества, насколько солидарность и взаимопомощь противоположны эксплуатации и насилию» [*Прокопович*, 1918: 16].

Диалектичность высказанных экономистом идей заключается в утверждении противоречивой сущности кооперации: с одной стороны, кооперативная организация есть плоть от плоти рыночной экономики и совершенно комплементарна капиталистическому хозяйству, с другой — отличаясь своими сущностными качествами от структур последнего, является естественным мостом, открывающим новое направление перспективы общественного развития.

Схожую точку зрения высказывал другой теоретик кооперации, так же как С. Н. Прокопович, оказавшийся после революции в эмиграции, — профессор В. Ф. Тотомианц (1875–1964). В вышедшей в Берлине в 1923 г. книге «Основы кооперации» он утверждал: «Кооперация не несет с собой никакого изменения системы свободной конкуренции, к законам которой она вполне приспособлена. Естественный ход обмена остается прежним. Кооперация вносит в него только конкурентов и поэтому не уничтожает, а оживляет его. Она принуждена даже ради успеха подражать частным предприятиям, так что и ее внешние признаки и приемы нельзя отличить от них» [Тотомианц, 1923: 64]. При этом, отмечая комплементарность кооперации рыночному хозяйству вообще и капитализму в частности, В. Ф. Тотомианц не отождествлял эти формы социально-экономической организации и видел в кооперативной потенциал будущего посткапиталистического мироустройства.

Значительно продвинул понимание сущностных различий производственных кооперативов объединений потребителей и рабочих доктор Ханс Фукс, рассуждения которого привел в своей книге И. В. Емельянов [Емельянов, 2020: 48–52]. «Производственная ассоциация (кооперативов. — Авт.), — писал он, — это «приобретающее предприятие, принадлежащее любому **ограниченному числу рабочих или ремесленников** (выделено Авт.), **в котором заняты все владельцы и только владельцы** (партнеры) (выделено Авт.)» [Емельянов, 2020: 49].

В отношении всех кооператоров-производителей — рабочих и мелких собственников Х. Фукс отметил непреложный принцип: обязательность только их членства в предприятии (соединяющего труд и собственность), исключаяющее прямое участие юридических и сторонних лиц, и другой — ограниченность числа пайщиков способностью управления кооперативом на основе прямой демократии. Особый характер кооперативных производственных отношений немецкий экономист считал основанием для их характеристики как «предварение будущего» [Емельянов, 2020: 49].

Важное наблюдение сделано Х. Фуком относительно потребительских кооперативов, качественно отличающихся от производственных. Во-первых, тем, что таковые являются предприятиями бесприбыльными, «в то время как производственные ассоциации... как и другие предприятия, работают на прибыль» [Емельянов, 2020: 50].

В контексте «постиндустриальной революции» в экономике рассматривал кооперацию И. В. Емельянов. Хотя предпринятая интерпретация теории кооперации через призму «процессов экономической интеграции» не позволила выйти за устоявшиеся пределы традиционных подходов политической экономии. Для предвидения кооперативного будущего в постмодернистской реальности в момент написания его работы «не пришло время».

Представление о развитии кооперативного сектора экономики описывалось «американцем российского происхождения» (Авт.), при которой в тер-

минологии «агрегатов», «экономических единиц, находящихся свое идеальное воплощение в кооперативных ассоциациях членов — активных участников (членов-патронов) в их общей работе», кооперации самой кооперации, при которой экономические единицы добровольно координируют свою деятельность или делегируют координирующую функцию специальному органу [Емельянов, 2020: 198]. Поскольку функции «ассоциированных экономических единиц, выполняющих через агрегат (кооператив. — Авт.) как их коллективное отделение коллективного департамента, *все хозяйственные услуги* кооперативных ассоциаций осуществляются по себестоимости (один из основополагающих принципов кооперации)» [Емельянов, 2020: 198].

Таким образом, кооператив в теории И. В. Емельянова не обретает признаков предприятия, тем более формализованного или требующего законодательного оформления, а представляет собой, говоря современным языком, маркетплейс, или платформу для обмена материальными ценностями и услугами. Если принять такое теоретическое положение, И. В. Емельянов уводит науку о кооперации на много шагов назад. Такая концепция автора лишает кооперацию главного — ее институционального качества. Однако по поводу особой эффективности организации, объединяющей высокомотивированных участников, гармонизирующий труд и собственность, говорили и писали многие авторы.

Многие западные исследователи справедливо отмечали, что общества с развитым кооперативным сектором обладают значительно большей устойчивостью, нежели общества с монокапиталистическим хозяйственным строем [Bradley, Gelb, 1987: 94].

В 1944 г. появилась книга Дж. Неймана и О. Моргенштерна, посвященная экономическому прочтению теории игр [Нейман, Моргенштерн, 1970]. Подход авторов в самом упрощенном варианте состоял в том, что «стремящиеся к максимизации личной выгоды обычно считают для себя выгодным сотрудничать с другими игроками, если игра носит повторяющийся характер, если индивид располагает информацией о поведении других игроков в прошлом и если число игроков невелико» [Норт, 1997: 28].

Таким образом, из теории игр прямо вытекали условия возникновения кооперативного поведения: постоянное взаимодействие индивидуумов, транспарентность их взаимодействия (свободный обмен информацией) и небольшие размеры группы взаимодействия.

Теория игр послужила основой понимания места и роли кооперации в экономических трансформациях переходной к постиндустриальному обществу эпохи.

Подходы, связанные с теорией игр, в описании кооперации стали активно применяться в 1980-е гг. Кооперацию как коалицию участников рассматривали Дж. Стаац и Р. Секстон. Кооператив (коалиция), представленный неоднородными предпочтениями участников, тем не менее является

оптимальным, только если все участники получают выгоду от совместной деятельности. Поэтому достижение равновесия интересов возможно только при консенсусе относительно распределения прибыли. Кооператив всегда должен стремиться, чтобы члены получали максимальную компенсацию за утрату части хозяйственного суверенитета [Sexton, 1986; 27; Staatz, 1983].

Таким образом, акцентируя внимание на исторической роли крупного производства и обобществлении экономики в национальных масштабах, марксизм видел в кооперации в лучшем случае «посредника», «переходный мостик» к социализму. Самостоятельное место и роль кооперации были подмечены отечественными мыслителями реформистского, легального течения марксизма. Идея миновать капитализм посредством утверждения кооперации, выдвинутая представителями народничества с точки зрения практической, была контрпродуктивной. Однако романтизм народнического кооперативизма все же оставил заметный след, указав на адекватность этой формы социально-экономической организации будущему мироустройству.

Основной вклад мыслителей итальянской и американской школ кооперации заключается в выявлении сущностных качеств различных видов кооперативных объединений, а представители теории игр вплотную подошли к проблеме гармонизации индивидуальных и коллективных интересов в кооперативных предприятиях.

Список литературы

- Бакунин М. А., 2000. Анархия и Порядок: Соч. М.: Эксмо-Пресс. 701 с.
- Емельянов И. В., 2020. Экономическая теория кооперации. Экономическая структура кооперативных организаций. М.: Litres. 440 с.
- Жид Ш., 1917. О кооперации. М.: Универс. библиотека. 86 с.
- Кропоткин П. А., 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда. 638 с.
- Кропоткин П. А., 2011. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Ред. журн. «Самообразование». 251 с.
- Лавров П. Л., 1965. Философия и социология: Избр. произв. в 2 т. М.: Мысль. Т. 2. 703 с.
- Ленин В. И., 1964. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Изд-во политической литературы. 729 с.
- Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И., 1988. О кооперации. М.: Политиздат. 318 с.
- Нейман Дж., Моргенштерн О., 1970. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука. 707 с.

Норт Д., 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономич. книги «Начала». 180 с.

Попов Н. И., 1929. Теория кооперации. М. 278 с.

Прокопович С. Н., 1918. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. М.: Тов-во «Тип. А. И. Мамонтова». 456 с.

Тотомианиц В. Ф., 1923. Основы кооперации. Берлин: Слово. 167 с.

Туган-Барановский М. И., 1989. Социальные основы кооперации. М.: Экономика. 495 с.

Туган-Барановский М. И., 2021. Социализм как положительное учение. М.: URSS. 133 с.

Фишгендлер А., 1922. Вопросы социализации и кооперации в Германской революции (1918/19 гг.): Историч. очерк. М.: Изд. Всерос. Центрального Союза Потребительных Обществ. 114 с.

Чернов В. М., 1997. Конструктивный социализм. М.: РОССПЭН. 650 с.

Чернышевский Н. Г., 1987. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль. Т. 2. 685 с.

Bradley K., Gelb A., 1987. Cooperative labour relations // British Journal of Industrial Relations. Vol. 25. No. 1. Pp. 91–96.

Dellenbrant J. A., 1981. Foreningedemokrati och foreteqedemokrati: Tva vagar till ekonomiak demokrati. Stockholm.: Liber. 244 с.

Demoustier D., 1981. Entrer I efficacite et la democratie: Les cooperatives de production. Paris: Entente. 118 с.

Kooperatibismos eta gizarte-ekonomiaa munduzabalean gaian buruzko biltzarra. Congreso sobre et cooperativismo y la economia social en mundo. Vitoria-Gasteiz. 1988. 328 с.

Mariani M., 1906. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale. Bologna: N. Zanichelli. 301 с.

Sexton R. J., 1986. The Formation of Cooperatives: A Game Theoretic Approach with Implications for Cooperative Finance, Decision Making, and Stability // American Journal of Agricultural Economics. 1986. Vol. 68. No. 2. May. Pp. 214–225.

Staatz J. M., 1983. The Cooperative as a Coalition: A Game Theoretic Approach // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 65. No. 5. Pp. 1084–1089.

Valenti Gh., 1902. L'associazione cooperativa contributo all teoria economica della cooperazione. Modena. 212 с.

Wellenberg J., Molin L., Kristersson V., 1987. Socialdemokratins politiska problem. Stockholm.: Timbro. 231 с.

EGOROV Vladimir G., D. Sc. (History), D. Sc. (Economics), Professor, Head of the Department of Political Science and Political Analysis of the Russian State University of Economics, Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of Bauman Moscow State Technical University.

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: korrka@mail.ru

SPIN-code: 9130-3997

ORCID: 0000-0002-2473-8590

INSHAKOV Andrey A., Assistant of the Department of Political Economy and History of Economics of Plekhanov Russian University of Economics

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation

E-mail: aero789@mail.ru

SPIN-code: 6772-9676

COOPERATIVE THEORY OF THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURIES

DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_67

Received: 28.07.2023

For citation: Egorov V. G., Inshakov A. A., 2024. Cooperative Theory of The Second Half of the XIX – First Half of the XX Centuries. – *Geoeconomics of Energetics*. № 3 (27). P. 67–87. DOI: 10.48137/26870703_2024_27_3_67

Funding: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01043 «Cooperation in the development strategy of society», <https://rscf.ru/project/23-28-01043>. Agreement No. 23-28-01043 dated 12.01.2023.

Keywords: cooperation, Marxism and cooperation, anarchism and cooperation, Italian and American cooperative schools, game theory.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the theoretical views of thinkers representing various directions of socio-political thought on cooperation, its place and role in social development. The views of representatives of the Marxist, populist, and social democratic directions of the science of cooperation are specially considered, an idea is given about the theoretical concepts of the Italian and American academic communities of cooperation researchers, and the contribution of intellectuals developing game theory.

References

Bakunin M. A., 2000. *Anarchy and Order: Essays*. Moscow: Eksmo-Press. 701 p. (In Russ.)

Yemelyanov I. V., 2020. *The economic theory of cooperation. The economic structure of cooperative organizations*. M.: Liters. 440 p. (In Russ.)

Gide Ch., 1917. *About cooperation*. M.: Universal b-ka. 86 p. (In Russ.)

Kropotkin P. A., 1990. *Bread and freedom. Modern science and anarchy*. M.: Pravda. 638 p. (In Russ.)

Kropotkin P. A., 2011. *Mutual assistance as a factor of evolution*. M.: Ed. journal. «Self-education». 251 p. (In Russ.)

Lavrov P. L., 1965. *Philosophy and sociology. Selected works in 2 volumes*. Moscow: Mysl. Vol. 2. 703 p. (In Russ.)

Lenin V. I., 1964. *The complete works*. Vol. 45. M.: Publishing House of Political Literature. 729 p. (In Russ.)

Marx K., Engels F., Lenin V. I., 1988. *About cooperation*. Moscow: Politizdat. 318 p. (In Russ.)

Neiman J., Morgenstern O., 1970. *Game theory and economic behavior*. M.: NAUKA. 707 p. (In Russ.)

North D., 1997. *Institutions, institutional changes and the functioning of the economy*. Moscow: Foundation of the economic book «Beginnings». 180 p. (In Russ.)

Popov N. I., 1929. *Theory of cooperation*. M. 278 p. (In Russ.)

Prokopovich S. N., 1918. *The cooperative movement in Russia. His theory and practice*. M.: Comrade. Type. A. I. Mamontov. 456 p. (In Russ.)

Totomians V. F., 1923. *The basics of cooperation*. Berlin: Word. 167 p. (In Russ.)

Tugan-Baranovsky M. I., 1989. *The social foundations of cooperation*. M.: Economics. 495 p. (In Russ.)

Tugan-Baranovsky M. I., 2021. *Socialism as a positive doctrine*. M.: URSS. 133 p. (In Russ.)

Fishgendler A., 1922. *Issues of socialization and cooperation in the German Revolution (1918/19): Historical essay*. Moscow: Edition of the All-Russian Central Union of Consumer Societies. 114 p. (In Russ.)

Chernov V. M., 1997. *Constructive socialism*. Moscow: ROSSPAN. 650 p. (In Russ.)

Chernyshevsky N. G., 1987. *Works in 2 volumes*. Moscow: Mysl. Vol. 2. 685 p. (In Russ.)

Bradley K., Gelb A., 1987. *Cooperative labour relations // British Journal of Industrial Relations*. Vol. 25. No. 1. Pp. 91–96. (In Eng.)

Dellenbrant J. A., 1981. *Foreningedemokrati och foreteqedemokrati: Tva vagar till ekonomiak demokrati*. Stockholm: Liber. 244 p. (In Swedish)

Demoustier D., 1981. Entrer l'efficacité et la démocratie: Les coopératives de production. Paris: Entente. 118 p. (In French)

Kooperatibismos eta gizarte-ekonomia munduzabalean gaian buruzko biltzarra. Congreso sobre el cooperativismo y la economía social en mundo. Vitoria-Gasteiz. 1988. 328 p. (In Spanish)

Mariani M., 1906. Il Fatto cooperative nell'evoluzione sociale. Bologna: N. Zanichelli. 301 p. (In Italian)

Sexton R. J., 1986. The Formation of Cooperatives: A Game Theoretic Approach with Implications for Cooperative Finance, Decision Making, and Stability // American Journal of Agricultural Economics. 1986. Vol. 68. No. 2. May. Pp. 214–225. (In Eng.)

Staatz J. M., 1983. The Cooperative as a Coalition: A Game Theoretic Approach // American Journal of Agricultural Economics. Vol. 65. No. 5. Pp. 1084–1089. (In Eng.)

Valenti Gh., 1902. L'associazione cooperativa contributo alla teoria economica della cooperazione. Modena. 212 p. (In Italian)

Wellenberg J., Molin L., Kristersson V., 1987. Socialdemokratins politiska problem. Stockholm: Timbro. 231 p. (In Swedish)